

чевский, хотя из летописи известна точная дата окончания постройки и освящения собора — 1162 г.¹⁶ Следовательно, первая часть «Жития» фиксирует события 1161—1162 гг., и нет оснований принимать дату ее составления между 1170 и 1174 гг. Ошибочные даты прочно вошли в литературу¹⁷.

Новые данные для оценки этого начального текста принесли наши археологические исследования в существующем Ростовском соборе XVI в. При раскопках в его юго-восточном углу, в приделе Леонтия, выяснилось, что белокаменный собор 1161—1162 гг. был действительно поставлен «на месте погоревшия церкви», как и указывает «Житие»: среди буга и грунта было обнаружено много угля от пожара «дивного» дубового собора. Далее здесь был вскрыт участок южной («передней» — по «Житию») стены белокаменного собора 1161—1162 гг. с аркосолием Леонтия, украшенным некогда орнаментальной фресковой росписью, от которой сохранились незначительные фрагменты. Стоявшая в аркосолии белокаменная гробница, поврежденная и грубо реставрированная в 80-х годах прошлого века, по своей форме была тождественна саркофагу епископа Луки (1189 г.), открытому в 1951 г. при строительных работах во владимирском Успенском соборе. «Житие» указывает, что останки Леонтия «поставиша в раце на стене», что также точно соответствует действительности: под саркофагом в аркосолии продолжалась белокаменная кладка стены, на которую он и был поставлен. Еще более интересна другая деталь: по краям аркосолия, в изголовье и у ног Леонтия, оказались приложенные к стене белокаменные пьедесталы от упомянутых в «Житии» «свещей великих», устроенных князем Андреем «у гроба» Леонтия. Они были поставлены, по «Житию», уже в законченном отделе соборе; это подтвердилось тем, что, как оказалось, белокаменные пьедесталы были поставлены на готовый пол из майоликовых плиток¹⁸. Таким образом, рассказ «Жития» археологически точен.

В связи с этим нельзя не отметить и живости описания самой находки гробницы Леонтия. При копании ров «обретоша мертвых множество, т. е. строители рыли ров на месте христианского кладбища при сгоревшей дубовой церкви — картина, хорошо знакомая археологам, вскрывающим участки около храмов. Очень конкретно описан и дощатый гроб, который «бе покровен двема досками». Видимо, хорошо сохранились и одежды — Леонтий был погребен примерно лишь за 90 лет до этого. Влажная болотистая почва у собора могла содействовать относительной сохранности органических остатков. Это удивило «археологов XII в.», и автор «Жития» отметил это («людем недоумеющимся»), точно указав, что сохранность останков была различной — «ризы его не ислеша, паче же и гроб», т. е. дерево сохранилось лучше, чем ткань.

Таким образом, первая часть «Жития» протокольно точна и этим очень напоминает ту же конкретность, которой отмечено составленное во Владимире до 1165 г. «Сказание о чудесах Владимирской иконы», и особенно

¹⁶ ПСРЛ, т. XV (Твер. л.), стб. 234—235.

¹⁷ Макарий. Ук. соч., т. II, стр. 330; Филарет. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884, стр. 34; Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 60—61; М. Д. Приселков. Очерки, стр. 135—139; С. А. Бугославский. Жития, стр. 65.

¹⁸ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I. М., 1961, стр. 188—192. Отметим, между прочим, что «свещи велики» могли быть «тощими свечами», известными нам по их поздним образцам XVII в. Это большие полые восковые орнаментированные цилиндры на каменной подставке с металлическим верхом для свечей. Образец такой свечи из Богородицкой церкви 1649 г. во Владимире см. Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, илл. 40.